

Взрослые игры

Пока в России экономисты озабочены в основном бюджетом, курсом рубля и ценами на нефть, а премьер поручил разработать предложения по введению нового профессионального праздника — Дня экономиста, в мире разворачивается новая промышленная революция, предопределяя новый миропорядок.

Облик этой революции формируется в наши дни, воплощая самые смелые предсказания прогностов XX века. Инновации в области робототехники, искусственного интеллекта, генетических технологий, многомерной печати, работы с «большими данными»... На недавней встрече экспертов Всемирного экономического форума возможности и вызовы новой технологической волны, начинающей напоминать цунами, стали предметом острой дискуссии. Ситуацию даже сравнили с ощущением человека, которого привязали к передней части локомотива, мчащегося в туннель. И только этот человек знает, что впереди — свет в конце тоннеля или огни встречного поезда. Иными словами, речь идет о том, чтобы не просто приспособиться к новому миру, а о том, чтобы остаться в живых в условиях сверхпривычных темпов, сохранить способность к выживанию, обучению и другим человеческим привычкам. Один из важнейших аспектов надвигающихся перемен — «крупные этические вопросы».

Их провоцируют несколько факторов. Во-первых, стремительное изменение способа взаимодействия человека с техническими и информационными инфраструктурами. На последние уже сегодня можно переложить существенный объем прежде сугубо человеческих занятий. Но вся сложность в том, что сами эти инфраструктуры обладают собственной логикой поведения. Не случайно среди важнейших глобальных рисков — опасность человеческого вмешательства в работу сложных технико-организационных систем. Этот риск отражает, в частности, тот факт, что на человеческий фактор приходится три четверти «вклада» в чрезвычайные происшествия значительного масштаба.

Во-вторых, давно известен факт, что «предыдущие промышленные революции усаживались на спины тех, кто попал в долговую кабалу». Иными словами, сегодняшние инвестиции в новые технологии осуществляются за счет тех, кто финансировал прежний экономический порядок, тех, кому не придется в должной мере воспользоваться благами нового уклада. Причем речь не о том лишь, что разорятся фирмы, процветавшие в прошлом, исчезнут рабочие места и вырастет безработица. Речь о том, что надувшиеся финансовые пузыри, энергия которых направлена не только на казино, но и на продуктивные инвестиции, необходимо для оздоровления производственного процесса все-таки «сдутъ». Все из-

держки обычно перекладываются на технологически отсталых агентов и тех, кто явно, по неведению или принудительно, исполняет роль жертвы в этих играх.

В-третьих, по-новому предстают проблемы управления большими структурами, будь то государства, корпорации или интеграционные объединения. Прежде всего иначе смотрится вопрос о подотчетности и заинтересованных сторонах деятельности этих структур. Где заканчивается узкогрупповая заинтересованность и начинается «общее дело»? Какие данные из колоссального потока информации, обрушивающейся на эти заинтересованные стороны, являются подлинно существенными, а какие информационным шумом, мусором или дезинформацией? Какие показатели эффективности важны и что такое эффективность вообще? Как совместить категории счастья и ВВП? Как выстроить цепочки создания стоимости в условиях глобальной конкуренции на интеграционном уровне? Вопросов множество, их список можно продолжать и продолжать. Они активно дебатировались в экспертной среде.

И все же главное, что их объединяет, — это растущее внимание к этическим проблемам. Каков должен быть новый набор умений и компетенций, функциональной и иной грамотности? Должны ли роботы в отношениях с людьми и другими «умными существами» иметь навыки сотрудничества, сопереживания, уважения? Как должен измениться весь ландшафт норм, законов, правил, а главное — множества неформализованных регуляторов, которые воздействуют на поведение людей? В конце концов если для управления современным самолетом требуется почти миллион строк программного кода, то сколько же строк нужно для моделирования управления человеком? И кто определит техническое задание для такой работы? И кто профинансирует такую работу и ее внедрение?

Это лишь немногие из проблем, заботящих современный круг мировых экспертов. И их разрешение вовсе не сводится к выбору между большим и меньшим комфортом жизни.

И кроме того, следует отдавать совершенно ясный отчет в том, что даже цели устойчивого развития, недавно выдвинутые ООН, не все являются целями, не охватывают все реальные проблемы и меры по их разрешению. Взрослые это вопросы. Но как же много взрослых людей, особенно в России, впадает в подростковый синдром не только в попытке что-то сделать, но и даже понять. Суть инфантилизма — «хочу... дай!», а взрослая его модификация — «после нас хоть потоп».

 А. Агеев

Авторский блог:
www.ageev.net